

осуществлению надежд на сокрушение советской власти. Союзники пришли к выводу о необходимости установления в Сибири сильной власти. С целью ускорения решения этой проблемы в Россию направился известный специалист по России, британский генерал Нокс. В августе Нокс прибыл в Японию, где встретился с Колчаком. В их беседах выявилась общность взглядов относительно принципов организации власти в Сибири. Нокс предложил адмиралу вместе выехать из Японии. В середине сентября они отправились из Токио во Владивосток, город поразил разноязычной речью, пестротой экипировки солдат, матросов, офицеров. Весть о появлении адмирала Колчака во Владивостоке вскоре облетела русское флотское офицерство, которое оказало адмиралу все знаки внимания и почтения как самому старшему и авторитетному командиру.

В это время во Владивостоке оказался премьер Омского правительства П. Вологодский, правительство которого располагало реальной вооруженной силой, контролировало всю Сибирь и пользовалось поддержкой буржуазных кругов, а также командования Чехословацкого корпуса, англичан и французов.

В сентябре 1918 г. во Владивостоке на совещании союзных представителей был сделан важный шаг к объединению и сплочению всех антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока и к последующему установлению военной диктатуры Колчака.

В Омск адмирал уехал в поезде чешского генерала Гайды. В Сибирском правительстве ему обещали пост военного министра, но 18 ноября сторонники военной диктатуры совершили в Омске переворот. А.В. Колчак был провозглашен «верховным правителем России»⁹.

Начался последний, самый трагический период жизни и деятельности адмирала Колчака. События гражданской войны в Сибири широко известны. Существует немало книг, рассказывающих о падении колчаковского режима и гибели самого А.В. Колчака 7 февраля 1920 г.

В чем же состояла трагедия адмирала Колчака? Наверное, в его жизни можно найти немало роковых, непоправимых ошибок, но, как нам представляется, дело не в этом. Его трагедия — это трагедия страны, оказавшейся на краю пропасти, трагедия русского офицерства, на долю которого выпало три войны и три революции. Драма этих людей заключалась в том, что вместо своего долга защищать Отечество они были ввергнуты в пучину братоубийственной войны, стали участниками российской трагедии. Одним из них и был адмирал А.В. Колчак, испивший эту чашу до дна.

¹ Толль Э.В. Плавание на яхте «Заря». М., 1959.

² Богданов К.А. Адмирал Колчак. С.-Петербург, 1993. С.20.

³ Известия Императорского Русского географического общества. СПб. 1906. Т.13. Вып.5. С.3.

⁴ Научные результаты Русской полярной экспедиции в 1900—1903 годах под начальством барона Толля. СПб. 1909. Вып.1.

⁵ См.: Мор. сборник. 1908. №6. 7.

⁶ Богданов К.А. Адмирал Колчак. С.40.

⁷ ЦГАВМФ. Ф.11. Оп.1. Д.45. Л.29.

⁸ Колчак А.В. — последние дни. Барнаул. 1991. С.136—137.

⁹ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Док. и материалы. Владивосток. 1995. С.28—29.

SUMMARY. The article by Candidate of Historical Sciences Tatyana Yasko «Admiral Kolchak» is about the life of such a non-ordinary person as A.V. Kolchak. The author shows his activity as a polar researcher, a discoverer of new lands, a brave war officer, who was awarded with Gold Cold Steel. In Russia's history Admiral Kolchak remains as a naval commander and one of the leaders of the White movement.

ПОЧЕМУ ЛЮШКОВ БЕЖАЛ ЗА КОРДОН

Уважаемая редакция!

В №1 Вашего журнала за 1998 г. опубликована интересная статья А.В.Трехсвятского «Дело Люшкова», посвященная судьбе начальника УНКВД по ДВК Г.С. Люшкова, бежавшего в 1938 г. в Маньчжурию и активно сотрудничавшего с японскими спецслужбами в 1938—1945 гг. В своей статье, основанной по преимуществу на материалах из японских источников, автор посетовал на отсутствие в его распоряжении документов, освещающих «советский» период жизни героя статьи. Занимаясь историей органов госбезопасности СССР, мы вместе с самарским историком М.А. Тумшисом тоже заинтересовались судьбой Г.С. Люшкова, причем постарались исследовать именно «советский» период его жизни и внутренние причины, побудившие его к бегству. В мае 1998 г. в журнале «Новый часовой» (г. Санкт-Петербург) №6—7 была опубликована наша статья, существенно дополняющая работу Вашего автора.

24 июня 1999 г. С уважением

А. А. Папчинский, М.А. Тумшис

От редколлегии журнала «Россия и АТР»

Полагая, что факты, дополняющие статью «Дело Люшкова», представляют интерес для читателей «России и АТР», редколлегия решила опубликовать статью А.А. Папчинского и М.А. Тумшиса с небольшими сокращениями.

*«Я счастлив, что принадлежу к числу работников карательных органов...»
Г. Люшков*

Слова, вынесенные в подзаголовок, были сказаны в декабре 1937 г. начальником УНКВД по Дальневосточному краю комиссаром госбезопасности 3 ранга Г.С. Люшковым и обращены к трудящимся, выдвинувшим его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В них отразилось умонастроение тысяч чекистов «ежовского» призыва, которые, став палачами миллионов своих сограждан, были вознесены из безвестности к власти, чиnam и наградам, а затем безжалостно уничтожены и канули в забвение.

В ночь с 12 на 13 июня 1938 г. Г.С. Люшков перешел государственную границу в полосе 59-го Посыетского погранотряда НКВД и сдался японским оккупационным властям Маньчжурии. 6 июля 1938 г. японские войска, полувосточной обороны Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, приграничной обороны Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, начали наступательную операцию у оз. Хасан. Только через пять недель упорных боев японцы были остановлены, а затем отбиты советскими войсками...

Что же заставило члена ВКП(б), высокопоставленного чекиста, кавалера ордена Ленина и депутата Верховного Совета СССР предпринять этот отчаянный шаг — изменить Родине и обречь своих родных на суровое наказание сталинской карательной системы? Современные исследователи высказывают на этот счет разные предположения. Причинами побега называют и страх перед заслуженным возмездием за массовые необоснованные репрессии на

советском Дальнем Востоке¹, и некомпетентное вмешательство Люшкова в дела агентурной разведки за рубежом², приведшее к многочисленным провалам, и некие исподволь созревшие антисталинские настроения перебежчика³.

Располагая некоторыми документами, касающимися личности Г.С. Люшкова и его служебной карьеры в органах ВЧК-НКВД, авторы предприняли попытку реконструировать последовательность событий, свидетелем и участником которых Люшков был с начала 20-х годов вплоть до упомянутой роковой ночи на границе, и выяснить истинные причины его побега за кордон.

Генрих Самойлович Люшков⁴ родился в 1900 г. в семье небогатого одесского еврея-портного. Семья, по-видимому, была вполне городской, не отличавшейся особой религиозностью, так как будущего чекиста вместо традиционного хедера сразу отдали в шестиклассное начальное казенное училище. По его окончании в 1915 г. юноша продолжил учебу на вечерних общеобразовательных курсах, подрабатывая днем переписчиком в автомобильной конторе. По словам самого Люшкова, в конце 1917 г. под влиянием брата он оказался «вовлечен в Революционную бурю»: в рядах дружины социалистической молодежи участвовал в уличных боях при захвате Одесским Советом власти в городе.

Однако уже в марте 1918 г. Одесса была занята германскими оккупационными войсками, и с этого момента Люшков уходит в городское подполье. Как и во многих биографиях его современников, «пребывание в подполье» — самый неясный эпизод в жизни Люшкова. Известно лишь, что в феврале 1919 г., во время разгрома белыми одесского подполья, направляясь на явку, он был арестован. Из-под стражи ему удалось бежать и по подложным документам пробраться в освобожденный красными войсками Екатеринослав. В марте под Николаевом Люшков добровольно вступил в Красную Армию, став красноармейцем-политработником 1-го Николаевского советского полка, откуда был направлен в Киев на центральные Военно-политические курсы Наркомвоена Украины. Здесь в июле 1919 г. он вступил в партию большевиков. Вскоре вместе со своими товарищами-курсантами был переброшен на станцию Жмеринка, чтобы воевать с прорвавшимися петлюровцами, а затем работал помощником военного организатора Киевского губкома партии.

Когда началось наступление белых и Киев был сдан, Люшков вместе с эвакуированными советскими работниками Украины оказался в Брянске. В сентябре 1919 г. он был направлен политруком в 1-ю Отдельную бригаду 14-й армии на Южный фронт. С бригадой прошел весь путь на Мозырском и Речицком направлениях Польского фронта, являясь секретарем и начальником Политотдела бригады. В сентябре 1920 г. он впервые ненадолго попал на чекистскую работу — уполномоченным Особого отделения ВЧК 57-й стрелковой дивизии. После советско-польской войны Люшков был демобилизован и вернулся в родную Одессу, поступил на учебу в Институт гуманитарных наук, но закончить образование не удалось: в ноябре 1921 г. он был отозван с учебы и направлен на работу в Одесскую губЧК.

Украина, неоднократно переходившая из рук в руки противников в гражданской войне, в начале 20-х годов оставалась ареной ожесточенной борьбы органов ВУЧК-ГПУ УССР с многочисленными противниками большевистского режима: петлюровцами, эсерами, польскими националистами, анархистами, крестьянскими повстанцами и просто уголовно-бандитскими элементами. Кроме того, на Правобережье Украины, имевшем выход к границам Польши и Румынии, органы ГПУ вели борьбу с проникавшими из-за кордона вооруженными формированиями и шпионско-диверсионной агентурой иностранных государств.

Такого рода служба досталась Люшкову в период 1921—1924 гг. в ряде пограничных и окружных отделов ГПУ Тирасполя, Вознесенска, Первомайска, Каменца-Подольского и Волочиска на юго-западе Украины. Работа чекиста-оперативника в приграничье зачастую была связана с риском для жизни: в 1921 г. во время ликвидации банды в Вознесенском уезде Люшков был ранен в руку.

В ноябре 1924 г. он был выдвинут на самостоятельную руководящую работу начальником Проскуровского окружного отдела ГПУ, вхлотившего тогда в Подольский губернский отдел ГПУ, которым в то время руководил крупный «идуший в гору» украинский чекист И.М. Леплевский. Именно ему и предстояло сыграть заметную роль в судьбе Люшкова.

Израиль Моисеевич Леплевский⁵ (1896—1938), как и Люшков, происходил из бедной еврейской семьи рабочего-табачника. В молодости он был членом «Бунда», но в феврале 1917 г. примкнул к большевикам. Отсутствие какого-либо образования (он был «самоучкой») компенсировалось у него природной предприимчивостью, опытом практической работы в ЧК с 1918 г. и наличием покровительствующей «руки» в Москве в лице старшего брата — Г.М. Леплевского⁶, занимавшего видные посты в Малом Совнаркоме и Наркомвнуделе РСФСР. К моменту сближения Люшкова с Леплевским последний уже «показал себя стойким большевиком-чекистом, проявив выдающиеся способности в деле борьбы со всеми видами контрреволюции»⁷ на Украине и был награжден орденом Красного Знамени (1921 г.).

Когда в октябре 1925 г. им пришлось расстаться (Леплевский был назначен начальником Одесского окротодела ГПУ), бывший начальник Люшкова рекомендовал его на ответственную работу в центральный аппарат ГПУ Украины, дав тем самым первоначальный толчок его карьере. Перебравшись в Харьков, Люшков как хороший «агентурист» был сразу назначен начальником Информационно-осведомительного отдела (ИНФО) ГПУ Украины. Получив в свои руки всю агентурно-осведомительную сеть республиканского ГПУ, Люшков перешел к делам «крупного масштаба» и уже в 1926 г. «нащупал террористическую группу, подготовлявшую покушение на председателя ВУЦИКа тов. Петровского»⁸.

Забегая вперед, отметим, что опыт в делах такого рода очень пригодился Люшкову во время его ленинградской командировки в связи со следствием по делу об убийстве С.М. Кирова и способствовал его сближению с одним из «кураторов» этого следствия — Н.И. Ежовым.

В мае 1930 г., уже занимая прочное место в аппарате республиканского ГПУ, Люшков назначается начальником Секретного (с 1931 г. — Секретно-Политического) отдела ГПУ УССР. Тогда отдел «контролировал» не только отставки «антисоветских политических партий» (эсеров, меньшевиков, анархистов и т.д.), но и активно боролся с «внутрипартийной» оппозицией.

К этому времени ситуация в политической жизни страны круто изменилась: нэп был свернут, началась коллективизация деревни, правая и левая оппозиции в партии оказались под мощным давлением сталинского ОГПУ. «Оперативным наркомом» для советского общества в этой ситуации стали возвращенные чекистами с конца 20-х годов судебные процессы по «вредительству» Шахтинский, «Промпартии» и др. Не отставало в выполнении «социального заказа» Сталина и ГПУ Украины. Еще в декабре 1929 г. старший товарищ и начальник Секретно-Оперативного Управления (СОУ) и членом Коллегии ГПУ УССР, он вместе с Люшковым активно участвовал в разработке и проведении крупнейшей операции чекистов на Украине. Председатель ГПУ Украины В.А. Бабурин свидетельствовал: «Ликвидация крупных дел [...] «Украинского Национального Центра», «Военно-офицерской организации» (дело «Весна») и других

крупных контрреволюционных повстанческих организаций на Украине проведена благодаря исключительной энергии, четкости и оперативному руководству и непосредственному участию в практической работе со стороны тов. Леплевского»⁹.

Существенно, что ликвидация «военно-фашистского заговора в Красной Армии» весной-летом 1937 г. стала для Леплевского (тогда — начальница Особого отдела ГУГБ НКВД СССР) реализацией с кое-какими изменениями его «заготовок» начала 30-х годов.

Бок о бок с Леплевским работал на Украине Лющков. По мнению В.А. Балицкого, он сыграл не менее значительную роль в «развороте и ликвидации дел диверсионно-повстанческих организаций — «Украинского Национального Центра» и военно-офицерской организации (дело «Весна»). Личные выезды тов. Лющкова в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных фигурантов во многом способствовали раскрытию и ликвидации упомянутых организаций»¹⁰. В августе 1931 г. Балицкий и его украинские чекисты добились своего: «развернутые» ими дела были замечены и по достоинству оценены Москвой: Балицкий получил повышение и стал заместителем председателя ОГПУ Союза. Как бывало и прежде, за новым зампредом ОГПУ из Харькова в Москву, в центральный аппарат ОГПУ, потянулись его чекисты с Украины.

«Массовости» украинского потока чекистов способствовали и открывшиеся вакансии на Лубянке: в августе 1931 г. Сталин устроил очередную «перетряску» чекистских кадров в Москве, в опалу попали и были удалены крупные чекисты: Е.Г. Евдокимов, Я.К. Ольский-Куликовский, И.А. Воронцов, Л.Н. Бельский и др.¹¹ Тогда-то для «людей Балицкого» с Украины — И.М. Леплевского, Г.С. Лющкова, М.К. Александровского, Я.В. Письменного и др. — открылась возможность занять ответственные посты в центральном аппарате ОГПУ.

Новым начальником Секретно-Политического отдела ОГПУ (Я.С. Агранов был понижен в должности и назначен полпредом ОГПУ по Московской области) стал мало кому известный «человек со стороны», бывший полпред ОГПУ по Ивановской промышленной области Г.А. Молчанов, выдвинувшийся на ликвидации «вредительства» в текстильной промышленности и отмеченный орденом Красного Знамени (1931 г.). Именно к нему в отдел попали на работу «украинцы» — Г.С. Лющков и М.К. Александровский.

Если Лющкова тогда можно было назвать «человеком Балицкого», то Молчанов был и остается одной из самых загадочных фигур сталинского ОГПУ-НКВД, равно как не вполне ясной является и его роль в последующих событиях. Несмотря на дотошное разбирательство на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), так и не было выяснено: кому принадлежала инициатива его выдвижения в 1931 г. на эту ответственную должность¹².

Георгий Андреевич Молчанов¹³ (1897—1937) родился в Харькове в семье офицанта, окончил торговую школу и в 1917 г. вступил в партию большевиков. Его служебную карьеру едва ли можно назвать блестящей: работая с 1918 по 1925 г. в органах ВЧК-ОГПУ Восточного фронта, Туркестана, Северного Кавказа, Сибири, он оставался на второстепенных должностях и не был широко известен в чекистской среде.

Лишь в 1925 г. был выдвинут на самостоятельную руководящую работу — начальником Ивановского губотдела (с 1928 г. — полпредом ОГПУ по Ивановской области). В течение пяти лет (1931—1936 гг.) Молчанов руководил ведущим Секретно-Политическим отделом (СПО) ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР, занимавшимся разработкой и ликвидацией политической и внутрипартийной оппозиции. Если практически все украинские чекисты (И.П. Леплевский, Я.В. Письменный, М.К. Александровский и др.) были вынуждены в 1933 г.

вернуться с Балицким на Украину, то Лющков вполне «прижился» у Молчанова и вскоре стал его заместителем. В этой должности с 1934 по 1936 г. он принимал самое активное участие во всех крупных делах сталинского НКВД: Ленинградского террористического центра (1935 г.), Террористического центра и заговора в Кремле (1935 г.), Троцкистско-зиновьевского объединенного центра (1936 г.).

Заметную роль в его судьбе сыграло участие в ленинградском следствии по делу об убийстве С.М. Кирова. Прибывшие в Ленинград в составе партийно-правительственной группы чекисты выполняли в следственной бригаде вполне определенные обязанности. Так, заместитель наркома НКВД СССР Я.С. Агранов вел общее руководство следствием и временно исполнял обязанности начальника УНКВД по Ленинградской области. Начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД К.В. Паукер ревизовал систему личной охраны убитого партийного руководителя. Лющков (Молчанов оставался в Москве) должен был заниматься политической подоплекой преступления. А именно эта сторона дела более всего интересовала Сталина и заместителя председателя КПК при ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова, «куруровавшего» следствие и направившего его в русло деятельности «зиновьевской оппозиции». По-видимому, Лющков так же, как и Агранов, сразу понял и принял замысел Сталина и Ежова обвинить в убийстве оппозицию. Это не сразу сделал Ягода, что в конечном счете повлияло на решение Сталиным его судьбы. Правильно «сориентировавшийся» в данной ситуации Лющков был сразу замечен и завоевал симпатии Ежова, в недалеком будущем — секретаря ЦК ВКП(б) и наркома внутренних дел СССР. Упоминание Я.С. Аграновым имени Лющкова на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК как чекиста и в дальнейшем с готовностью сотрудничавшего с Ежовым это косвенно подтверждает¹⁴.

Тем временем на Украине в среде прежних коллег-чекистов Лющкова назревали драматические события. По возвращении В.А. Балицкого и его сотрудников из Москвы в конце 1933 г. произошел конфликт между Балицким и его «правой рукой» Леплевским. Причиной разлада, возможно, стала неспособность Балицкого «закрепиться» в Москве, в результате чего «его люди» тоже потеряли свои посты.

Близкие лично Леплевскому сотрудники Джирин и Инсаров стали вести среди работников ГПУ Украины разговоры, «заявляя, что все успехи ОГПУ в оперативной работе являются результатом оперативности Леплевского. Эти разговоры дошли до Балицкого, который немедленно удалил Леплевского с Украины...»¹⁵

Развитие событий приобрело прямо-таки драматическую окраску. Во время отъезда Леплевского на вокзал никого из провожающих не было кроме Аморова-Пиевского. Леплевский к нему обратился в озлобленном тоне со следующими словами: «Я уезжаю с Украины, но еще сюда вернусь и рассчитаю со всеми...»¹⁶. Так совсем в «миргородской манере» жестоко поссорились два бывших украинских покровителя Лющкова...

На XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г. был избран новый состав ЦК. Его полноправными членами, сравнившись своим партийным статусом с Ягодой, были избраны председатель ГПУ УССР (с июля 1934 — нарком внутренней дел УССР) В.А. Балицкий и бывшие видные чекисты — секретарь Северного Кавказского крайкома Е.Г. Евдокимов и секретарь Закавказского крайкома Л.П. Берия.

В декабре 1934 г., после убийства С.М. Кирова, значительная часть ответственности за случившееся могла быть возложена Сталиным на действующего главу НКВД СССР Ягodu. Ягода понимал, что в таком случае у Балицкого, члена ЦК, наркома внутренних дел второй крупнейшей республики Союза и бывшего зампреда ОГПУ, появились реальные шансы занять его место. По-

жалуй, единственным «темным пятном» на репутации Балицкого было обнаружение в июне 1934 г. грубых нарушений финансовой дисциплины в НКВД УССР.

Не менее, чем Балицкий, был опасен для Ягоды и бывший крупный чекист Е.Г. Евдокимов¹⁷. Вплоть до своего ухода на партийную работу (январь 1934 г.) Евдокимов был неформальным главой мощного клана северо-кавказских чекистов, сложившегося вокруг него в Ростове-на-Дону в бытность полпредом ОГПУ по Северному Кавказу (1923—1929 и 1932—1933 гг.)¹⁸. Шагом, направленным на «нейтрализацию» Евдокимова как своего возможного преемника или заместителя стало назначение Ягодой в августе 1936 г. Г.С. Люшкова в Ростов-на-Дону начальником УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Этим Ягода пытался достичь двух целей: получить от Люшкова, никак не связанного с интересами местного партийного и чекистского руководства, компрометирующие их и Евдокимова материалы, а заодно избавиться в Москве от Люшкова как от чекиста, сотрудничавшего с Ежовым. В связи с этим представляется спорным утверждение Р. Конквеста (речь идет о 1938 г.) о Люшкове как об «одном из немногих оставшихся в НКВД людей Ягоды»¹⁹. Как чекист из «свиты» Балицкого Люшков не числился в любимцах Ягоды. М.П. Шрейдер, знавший Люшкова по работе в Москве, дает ему весьма бледную характеристику, вспоминая о нем лишь как о «скромном человеке и неплохом работнике»²⁰.

Отметим и отсутствие у Люшкова каких-либо заметных правительственных наград за период работы в СПО ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР за 1931—1936 гг. За свою чекистскую службу с 1921 по 1936 г. он был награжден лишь двумя знаками «Почетного чекиста», дважды на Украине (1927 и 1931 гг.) безрезультатно представлялся Балицким к ордену Красного Знамени. Высокое «генеральское» спецзвание комиссара госбезопасности 3 ранга, присвоенное ему в ноябре 1935 г., явилось лишь соответствующим оформлением в табели о рангах его ответственной должности в одном из ключевых отделов ГУГБ НКВД СССР²¹.

В Ростов-на-Дону Люшков прибыл в сопровождении двух своих ближайших сотрудников-чекистов М.А. Кагана и Г.М. Осинина-Винницкого, хорошо ему знакомых еще по прежней работе на Украине. Через месяц, в сентябре 1936 г., Ягода был снят и новым главой НКВД СССР был назначен председатель КПК и секретарь ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов. В связи с этим несколько корректировалась «ростовская миссия» Люшкова.

В конце 1936 — начале 1937 г. Сталин и Ежов намеревались нанести первый удар по руководству двух комитетов партий (Киевского обкома — секретарь П.П. Постышев; Азово-Черноморского крайкома — секретарь Б.П. Шеболдаев). Сложность предстоявшей «операции» заключалась в том, что оба секретаря никогда не состояли в оппозиции, имели безупречное партийное прошлое и считались твердыми «сталинцами»²².

Таким образом, решением Ежова Люшков ставился в авангарде репрессивной практики на местах, причем тогда, когда в центре еще царило относительное спокойствие. Реализованное Люшковым «ростовское дело», направленное против Шеболдаева, стало «пробным камнем, на котором Сталин проверял возможность наступления на партийных руководителей высшего ранга и подавления их недовольства ударами, наносимыми по партийным кадрам»²³. Уже на декабрьском (1936 г.) пленуме ЦК ВКП(б) Ежов огласил первые итоги деятельности Люшкова в Ростове-на-Дону, когда выяснилось, что «по Азово-Черноморской организации арестовано свыше 200, во главе с Глебовым и Белобородовым и пр. троцкистов и зинovieвцев»²⁴. «Обогащенный» своим «московским опытом» ведения следствия и подготовки политических процессов Люшков на новом участке работы блестяще справился с заданием Сталина и Ежова: после постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 2 января 1937 г. «Об ошиб-

как секретаря Азово-Черноморского крайкома тов. Шеболдаева и неудовлетворительно политическом руководстве крайкома ВКП(б)» местная парторганизация подверглась жесточайшему разгрому, а Шеболдаев был политически дискредитирован и сослан руководить «второстепенным» Курским обкомом, где позднее был репрессирован в ходе развернувшейся «ежовщины».

По грустной иронии судьбы, разоблачительная кампания Люшкова в Ростове-на-Дону, независимо от замыслов Ягоды, приобрела совсем иные масштабы и направленность, а новым секретарем крайкома (затем — Ростовского обкома партии) в январе 1937 г. был поставлен... Е.Г. Евдокимов. Видимо, считалось, что как бывший чекист, имеющий многолетний стаж работы на Северном Кавказе, он лучше других наладит «чистку» по партийной линии в русле указаний Москвы.

На февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК Ежов окончательно растоптал авторитет бывшего наркома Ягоды. Вместе с другими чекистами (здесь особенно усердствовали Е.Г. Евдокимов и Л.М. Заковский) он уличил Ягodu в развале кадровой работы в НКВД, позволившем проникнуть в его центральный аппарат «предателям» и «шпионам»²⁵. Характерно, что и в этой ситуации Люшков первым из руководителей органов НКВД на местах оперативно имитировал на своем уровне начало репрессий Ежова в самой чекистской среде. Именно в УНКВД по Азово-Черноморскому краю были разоблачены первые «изменники-чекисты» — начальник Таганрогского горотдела НКВД Е.Н. Баланюк и начальник Новочеркасского райотдела НКВД Д.И. Шапалов, которые «систематически информировали участников троцкистской организации об имевшихся в НКВД материалах антисоветской деятельности последних»²⁶.

Кроме желания выслужиться перед новым наркомом, существовало еще одно обстоятельство, заставившее Люшкова торопливо выискивать «врагов» среди чекистов краевого УНКВД: на пленуме как «пособник троцкистов» был разоблачен бывший начальник Люшкова по СПО ГУГБ НКВД СССР Г.А. Молчанов. Люшкова, проработавшего бок о бок с Молчановым в течение пяти лет, при желании тоже можно было бы обвинить по меньшей мере в «политической слепоте и идиотской болезни беспечности». Несмотря на симпатии Ежова, Люшков чувствовал двусмысленность своего положения и репрессий, стремился ревностно исполнять политику разоблачения и репрессий, стремился приобрести определенный «иммунитет» к обвинениям в связях с «людьми Ягоды». Случай с Молчановым стал одним из рискованных поворотов карьеры, в которых Люшкову будет удаваться опередить на один-два шага приближающую гибель...

Февральско-мартовский пленум ЦК стал поворотным пунктом в кадровой политике Ежова в НКВД СССР. Отныне на смену руководящим работникам, связанным с Ягодой, стали выдвигаться чекисты «северо-кавказской группы» Евдокимова-Фриновского: В.М. Курский, А.М. Минаев-Цикановский, Н.Г. Николаев-Журид, И.Я. Дагин, Я.А. Дейч и др.²⁷ Именно их и их главного покровителя Евдокимова должен был, по замыслу Ягоды, дискредитировать в глазах партийного руководства Люшков. В известной степени ему, чуждому аппарату на местах, был арестован один из видных членов «северо-кавказской группы» и предшественник Люшкова по руководству УНКВД Азово-Черноморского края комиссар ГБ 3 ранга П.Г. Рудь. Еще более скандальным происшествием стало таинственное самоубийство в июле 1937 г. «фаворита» Ежова, заместителя наркома внутренних дел СССР, комиссара ГБ 3 ранга В.М. Курского²⁸.

Владимир Михайлович Курский (1897—1937) работал в органах ВУЧК-ОГПУ с Е.Г. Евдокимовым с 1921 г. на Правобережной Украине и Северном

Кавказе, участвовал в следствии по «Шахтинскому делу» и был одним из его преуспевавших выучеников²⁹. Как и Люшков, в августе 1936 г. он получил новое назначение в Новосибирск начальником УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Как и Люшков, он осенью 1936 г. «раскрыл» троцкистских вредителей-заговорщиков в горной промышленности Кузбасса и провел показательный судебный процесс в Новосибирске, ставший серьезным подспорьем Ежову, готовившему в Москве процесс по делу «Антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г.). Благодарный Ежов осыпал Курского милостями: повысил в звании, назначил начальником СПО ГУГБ НКВД СССР на место Молчанова. В апреле 1937 г. Курский стал заместителем Ежова и начальником 1-го отдела (охраны) ГУГБ, отвечавшим за личную безопасность партийно-советского руководства и самого Сталина.

В июне Курский был неожиданно снят с работы по охране руководства и переведен начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД. 8 июля, оставив какое-то письмо³⁰, Курский покончил с собой. Люшкова для возможной дискредитации столь высокопоставленного назначенца Фриновского было вполне достаточно сообщить Ежову о факте исключения Курского из партии в августе 1928 г. «за причастность к убийству селькора газеты «Туладу-Джашау» в г. Микоян-Шахор в Карачаево-Черкессии»³¹. Такой факт биографии делал кандидатуру Курского как начальника охраны явно неуместной.

Конечно, заместитель Ежова и начальник ГУГБ НКВД СССР комкор М.П. Фриновский пытался препятствовать появлению подобных материалов о своих выдвиненцах. Возможно, что это и были те случаи, когда он, по словам Ежова, «... как только арестуют кого из сотрудников НКВД, сразу бежал ко мне и кричал, что все это «липа», арестован неправильно и т.д.»³²

Естественно, что такие действия Люшкова в Ростове-на-Дону вызвали раздражение Фриновского, Евдокимова и всех чекистов «северо-кавказской группы». Отметим лишь факт того, что Люшков, считавшийся у Ежова «хорошим чекистом», уже никогда не назначался на работу в центральный аппарат НКВД СССР, контролировавшийся Фриновским и его ставленниками. Тем не менее, конфликт между Фриновским и Люшковым не помешал Ежову высоко оценить заслуги последнего. В июле 1937 г. Люшков, Каган и Осинин-Винницкий были награждены орденом Ленина и получили новое назначение на Дальний Восток.

Для более глубокого понимания обстоятельств дальнейшей служебной карьеры и судьбы Люшкова нам придется обратиться к событиям в НКВД Украины, последовавшим за февральско-мартовским (1937 г.) пленумом ЦК. На пленуме был снят с работы 2-й секретарь ЦК и секретарь Киевского обкома партии П.П. Постышев, с 1933 г. являвшийся вторым лицом в партийной иерархии Украины и неизменно поддерживавший политический авторитет руководителя НКВД УССР В.А. Балицкого. В мае 1937 г. он был снят с должности и назначен начальником УНКВД по Дальневосточному краю в Хабаровск. Увольнение многолетнего шефа и покровителя вызвало настоящую панику среди украинских чекистов, особенно из числа близких к нему сотрудников.

Это состояние паники только усилилось, когда новым главой НКВД УССР стал комиссар ГБ 2 ранга И.М. Леплевский, некогда «правая рука» Балицкого, а теперь его могущественный недоброжелатель. Новый нарком прибыл на Украину в сопровождении Фриновского, «героя» ликвидации «военно-фашистского заговора в Красной Армии». Если учесть то, что вторым лицом в «заговоре военных» числился бывший командующий Киевским военным округом командир 1 ранга И.Э. Якир, то теперь украинским чекистам предстояла расплата за потерю «бдительности». В июле-августе 1937 г. Леплевский устроил настоящий погром «чекистов Балицкого» в НКВД Украины. Были сняты и

арестованы три бывших заместителя Балицкого — Н.С. Бачинский, З.Б. Кацнельсон, В.Т. Иванов, уничтожены практически все начальники отделов НКВД УССР и областных УНКВД. В отношении них Леплевский сфабриковал дело «о заговоре в НКВД УССР», якобы возглавленном самим наркомом Балицким и организационно примыкавшим к «военно-фашистскому заговору в Красной Армии»³³.

Истребление «заговорщиков» из НКВД Украины велось Леплевским по всему Союзу ССР, где бы они ни находились. В Ташкенте был арестован начальник 3-го отдела УГБ НКВД Узбекской ССР П.М. Рахлис. В Воронеже схвачен начальник областного УНКВД А.Б. Розанов. В Москве арестованы работник Особого бюро НКВД СССР В.М. Горожанин и заместитель начальника Главного Разведуправления РККА М.К. Александровский.

В вихрь этой кровавой мясорубки могло затянуть и Люшкова. Конечно, сам Леплевский вовсе не собирался этого делать, но в Москве Фриновский мог добиться от этапированных украинских чекистов показаний, включающих Люшкова в список «заговорщиков». Возможно, именно тогда, в июне 1937 г., между Ежовым и Фриновским был заключен некий «компромисс»: Люшкова убирают из Ростова-на-Дону и отправляют в Хабаровск, подальше с глаз Фриновского.

В 1937 г. гигантская приграничная территория РСФСР из девяти областей (Хабаровской, Приморской, Амурской, Нижне-Амурской, Уссурийской, Камчатской, Сахалинской, Зейской и Еврейской Автономной) составляла так называемый Дальневосточный край (ДВК) с административным центром в Хабаровске. В руководстве ВКП(б) край слыл сильно «засоренным» право-троцкистскими оппозиционерами. С этим была связана «кадровая чехарда», характерная для расстановки партийно-советского руководства края.

В январе 1937 г. 1-й секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьев (Картвелишвили) за «либерализм» и конфликты с командующим ОКДВА маршалом В.К. Блюхером был снят и заменен более «жестким» партийным руководителем И.М. Варейкисом. По прибытии в Хабаровск Варейкис начал кампанию «разоблачений» среди представителей партийного, советского и хозяйственного руководства края, ответом на которую стала волна самоубийств — начальника Дальневосточной железной дороги Л.В. Лемберга, управляющего трестом «Дальтрансуголь» И.Н. Котина, директора Акционерного шельмованию со общества И.А. Адамовича³⁴. Особо яростному политическому шельмованию со стороны Варейкиса подвергся бывший председатель крайисполкома Г.М. Крутов. От начальника УНКВД до ДВК комиссара ГБ 1 ранга Т.Д. Дерибаса Варейкис требовал немедленного разоблачения краевого «право-троцкистского подполья».

В апреле 1937 г. из Москвы в Хабаровск прибыла группа оперативных работников во главе с начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Л.Г. Мироновым для оказания помощи в разоблачении «антисоветской шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых». В мае 1937 г. Дерибас за пассивность в проведении следствия был снят и отозван в Москву, а его место занял бывший нарком внутренних дел УССР Балицкий. На следующий день по вступлении Балицкого в должность заместитель Миронова по оперативной группе ГУГБ НКВД А.А. Арнольдов-Кесельман получил у него санкцию на арест Г.М. Крутова³⁵. Используя тактику «кнута и пряника» (Арнольдов представился Крутову личным уполномоченным наркома Ежова), он добился от арестованного показаний о существовании в крае «право-троцкистской заговорщической организации». Восхищенный Балицкий назвал Арнольдова «чародеем»³⁶.

В середине июня, когда Балицкого отозвали в Москву (туда он ехал на расправу — на него уже имелись показания «заговорщиков» в НКВД УССР)

его место опять занял Дерibas, у Арнольдова имелись обширные показания арестованных о «Дальневосточном параллельном правотроцкистском центре». Однако все лавры и «разворот» дела «Центра» достались не на долю Арнольдова (он и сам был вскоре арестован), а назначенному в конце июля 1937 г. начальником УНКВД по ДВК Люшкову. К этому времени в Москве Ежов уже проводил «чистку» центрального аппарата НКВД СССР (среди ее жертв оказался и Л. Г. Миронов), и поэтому в августе-сентябре Люшков развернул в крае не только широкомасштабное истребление партийного и хозяйственного руководства; но и подверг жестокой «чистке» местные органы НКВД.

В письме Сталину от 8 сентября 1937 г. Варейкис сообщал: «... После приезда в край нового начальника НКВД Люшкова было вскрыто и установлено, что также активную роль в правотроцкистском Дальневосточном центре занимал бывший начальник НКВД Дерibas. Участником заговора являлся также его первый заместитель — скрытый троцкист Западный. Второй заместитель Барминский (он же начальник особого сектора ОКДВА) оказался японским шпионом. Арестованы как японские шпионы и участники заговора: Визель — начальник НКВД во Владивостоке, Давыдов — начальник НКВД Амурской области (г. Благовещенск). Входили в состав правотроцкистской организации Пряхин — начальник НКВД Уссурийской области, Богданов — начальник политического управления пограничных войск и значительная часть других чекистов»³⁷.

В дальнейшем список «разоблаченных» Люшковым чекистов-дальневосточников пополнился именами двух начальников УНКВД по Нижне-Амурской области — А. Ф. Липовского и С. М. Сидорова, начальника УНКВД по Сахалинской области — А. П. Льва, начальника УНКВД по Еврейской АО — А. Н. Лавтакова и десятков других чекистов. Их места заняли прибывшие с Люшковым Каган и Осинин-Винницкий, направленные из Ростова-на-Дону и Москвы чекисты среднего звена: Л. М. Хорoshiлкин, М. И. Диментман, А. М. Малкевич, А. П. Малахов, В. П. Крумин, И. Н. Евтушенко, М. П. Рысенко, И. Л. Кабаев, М. И. Говлич, В. И. Осмоловский, Д. М. Давыдов. С 15 августа в соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. Люшков приступил к массовой операции по репрессированию «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в крае. Всего по существовавшим «лимитами» в ДВК планировалось осудить решением «тройки» 2000 чел. по «первой категории» и 4000 чел. по «второй категории»³⁸. Но эти «лимиты» вскоре были исчерпаны и получены новые.

Кроме того, по постановлению СНК СССР от 21 августа 1937 г. Далькрайком, Далькрайсполкому и УНКВД по ДВК предстояло выселить в Среднюю Азию и Казахстан все корейское население (около 175000 чел.) из пограничных районов края³⁹. Обе массовые операции планировалось завершить к январю 1938 г.

В первых числах октября 1937 г. Варейкис был снят с должности 1-го секретаря Далькрайкома. В самом ближайшем будущем ему самому предстояло стать одним из участников «право-троцкистского заговора» в ДВК. Его место занял назначенец из Москвы, бывший аппаратчик Московского комитета партии Г. М. Стацевич, некоторое время до того подвизавшийся у Ежова в начальниках отдела кадров НКВД СССР. С этого момента началась «вторая волна» репрессий в крае — «изъятие» Люшковым и Стацевичем партийно-советских и хозяйственных кадров, выдвинутых «врагом народа Варейкисом»...

В ноябре-декабре 1937 г. шло выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета Союза ССР. По всей стране попеременно со «знатными людьми» города и деревни кандидатами выдвигались представители нового поколения сталинской партийно-советской номенклатуры, заявившей о себе в последние месяцы политического террора. Вместе с краевым руководством — сек-

ретарем Стацевичем, председателем крайисполкома П. К. Легконравовым, командующим ОКДВА В. К. Блюхером и др. в кандидатские списки попал и Люшков.

28 октября на собрании коллектива рабочих лесокombината «Амургорьбтреста» в Николаевске-на-Амуре его кандидатура была единогласно поддержана собранием⁴⁰. Инициатива выдвижения «зоркого чекиста» в Верховный Совет принадлежала некоему «товарищу Фельдману, присутствующему на собрании» и одновременно являющемуся начальником УНКВД по Нижне-Амурской области Я. Л. Фельдманом.

С этого дня Люшков стал политической фигурой краевого масштаба: его фотографии и хвалебные статьи о нем появляются в газетах, он выступает на встречах с избирателями и принимает их «наказы», неизменно включается в состав «почетных президиумов», стоит на трибуне с Блюхером и Стацевичем, принимая ноябрьский парад войск Хабаровского гарнизона. Внешность Люшкова ничего не говорила окружающим о характере его деятельности в крае: несколько одутловатое лицо с выпуклыми глазами, буйная, зачесанная назад шевелюра и усики «мушкой», делавшие его похожим на несколько раздобрешего чаплинского персонажа.

Еще больше почестей принесли ему торжества по случаю 20-летия органов ВЧК НКВД в декабре 1937 г. На торжественном заседании в присутствии чекистам Стацевич отметил «сложность работы Дальневосточных наркомвундельцев, находящихся на границах с иностранным государством», и то, что «здесь, на ДВК, долго действовали враги народа крутовы, лаврентьевы, варейкисы и прочая сволочь, пытавшаяся продать наш цветущий край Дальнего Востока японскому империализму. Наркомвундельцы ДВК во главе с тов. Люшковым разгромили шпионские гнезда, но капиталистические государства будят и впредь засылать к нам в тыл шпионов и диверсантов. Поэтому нужно еще выше поднять бдительность и зоркость, беспощадно уничтожить всех врагов народа...»⁴¹. Москва тоже высоко ценила «работу», сделанную Люшковым в ДВК. На январском (1938 г.) совещании в НКВД СССР Ежов ставил в пример другим чекистам Люшкова, репрессировавшего 70000 «врагов народа» — это был самый высокий показатель по стране⁴².

Однако в январе 1938 г., по окончании упомянутых торжеств, на Ежова сверху было оказано давление с целью ослабить волну массового террора, грозившего стать совершенно неуправляемым. После доклада Маленкова 14 января на пленуме ЦК ВКП(б) и известного постановления «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...» наметилась тенденция сокращения «отката» в практике массового политического террора. Ежову пришлось пожертвовать наиболее одиозными фигурами из местных чекистов — «перегибчиков». Одних из них арестовали и начали следствие по их «вредительской деятельности», другим просто «дали по рукам» и перевели на новое место службы с понижением в должности.

Люшков не попал в число ни тех, ни других, оставаясь «неуязвимым» благодаря личному расположению Ежова. Однако на уровне политического руководства края тенденция «отката» проявилась: с этого времени ярый «разоблачитель» Стацевич ушел в тень, уступив место 2-му секретарю Далькрайкома (и сослуживцу по МК) А. М. Анисимову. Последний сделал доклад на краевом партактиве — «Итоги январского пленума ЦК ВКП(б) и задачи парторганизации ДВК», свалив всю вину за массовые исключения коммунистов на районное партруководство⁴³.

Одним из последних широко освещавшихся в советской прессе награжденных чекистов (в 1938 г. их почти не было) стало награждение дальневосточных наркомвундельцев Люшкова, «отличившихся» в ходе депортации корейцев и транзитных перевозках заключенных в лагерь Колымы. 6 февраля был

опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении работников УНКВД по ДВК и работников НКПС», где фигурируют отмеченные орденами Красной Звезды начальник УНКВД по Амурской области М.И. Говорин, начальник УНКВД по Приморской области М.И. Диментман и др.⁴⁴ Тучи над головой Люшкова и его чекистов стали сгущаться лишь с апреля 1938 г., и этому предшествовали грозные события в Киеве и Москве.

Среди тех, кому Ежов был вынужден «дать по рукам» в январе 1938 г., оказался давний покровитель Люшкова, нарком внутренних дел УССР И.М. Леплевский. Уже через два месяца после его назначения на Украину, в августе 1937 г., Ежову пришлось посылать в Киев комиссию НКВД во главе со своим заместителем Л.Н. Бельским для рассмотрения многочисленных жалоб на произвол нового наркома. Как выяснил Бельский, Леплевский ориентировал чекистов исключительно «на цифру» разоблаченных «врагов народа», и «липацество» в органах НКВД Украины даже на всесоюзном фоне ежовщины выглядело чудовищно. Кроме того, 1-й секретарь ЦК КП(б)У Косиор планомерно уничтожал руками Леплевского остатки партийного аппарата своего бывшего соперника Постышева.

В январе 1938 г. Леплевский был отозван из Киева (расследованием его бурной деятельности в 1937 г. теперь занялся новый руководитель НКВД УССР А.И. Успенский) и назначен начальником 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР. 26 апреля 1938 г. он был арестован по обвинению в «активном участии в право-троцкистской антисоветской организации и проведении контрреволюционной предательской деятельности». Вскоре Леплевский признался, что в 1932 г. был вовлечен в организацию «правых» (затем — «право-троцкистов») своим братом Г.М. Леплевским. Во главе заговорщиков стояли Рыков, Бухарин и Томский. После назначения на Украину в 1937 г. Леплевский «начал очищать аппарат НКВД от кадров Балицкого, принимая меры для предотвращения полной ликвидации антисоветского подполья»⁴⁵.

Далее Леплевский показал, что «в 1930 г. Балицкий и Леплевский создали в аппарате ГПУ УССР право-троцкистскую группу, на которую опирались в предательской работе». Личное соперничество между Балицким и Леплевским, вылившееся в соперничество групп ориентировавшихся на них украинских чекистов, «было, по существу, расхождением между правыми и троцкистами, связанными с борьбой за преимущество в аппарате». Таким образом, с 1930 г. в ГПУ-НКВД Украины зрели два параллельных заговора — «заговор Балицкого» и «заговор Леплевского»⁴⁶. Такая версия событий, данная арестованным Леплевским, опять ставила под косвенное подозрение Люшкова.

Если Балицкий признавал возникновение «заговора в НКВД УССР»⁴⁷ в конце 1935 г. (в это время Люшков работал в Москве), то датировка «заговора Леплевского 1930-м годом приходилась на время наиболее тесного сотрудничества Леплевского и Люшкова на Украине. Более того, хотя Леплевский в числе десятков имен новых «украинских чекистов-заговорщиков» не упомянул имени Люшкова, в его показаниях от 22 мая 1938 г. названы оба «верных палачина» — М.А. Каган и Г.М. Осинин-Винницкий⁴⁸. Попав из-за них в своеобразную «вилку» подозрения, Люшков и сам мог стать теперь легкой добычей для Фриновского.

Вероятнее всего, что никаких деталей, кроме факта ареста Леплевского, находившийся в Хабаровске Люшков не знал. В это время он был занят доработкой своего главного «дела» в крае — «Дальневосточного параллельного право-троцкистского центра», которое было рассмотрено выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР где-то в первых числах июня 1938 г.⁴⁹

Подобные «дела» на Дальнем Востоке зачастую рассматривались «заочным», и более того — без следственных дел, по справкам УНКВД. К чему это приводило, явствует из справки следователя по важнейшим делам Главной

Военной Прокуратуры РККА бригадному юристу Далицкому от 20 марта 1940 г.: «... УНКВД ДВК были составлены альбомные справки на арестованных по имеющимся в УНКВД ДВК данным... В целях уточнения запрашивались местные органы НКВД по телеграфу. Таким образом составлены справки на 171 чел. Из них на 170 имеется отметка «Р» (расстрелять) и подписи Люшкова (нач. УНКВД), Никитченко (председателя выездной сессии) и Калугина (пом. Главного военного прокурора). На основании этого указанные 170 чел. были расстреляны. Эти решения оформлены приговорами»⁵⁰. Далее Далицкий констатирует: «... в результате оказалось, что ни одна справка не соответствует делу. Дела эти в процессе следствия не проверялись, обвинительные заключения не составлялись. Часть обвиняемых была на свободе»⁵¹.

В то же время вместе с секретарем далькрайкома Анисимовым Люшков «штамповал» приговоры в «тройке» при краевом УНКВД. Его последнее присутствие в ней зафиксировано 8 мая 1938 г., за неделю до его побега⁵². В первых числах мая в Москве решили разобраться с показаниями, данными Леплевским на двух «заговорщиков-чекистов» — Кагана и Осинина-Винницкого, находившихся на Дальнем Востоке. Первым вызвали в Москву Кагана. Заподозривший что-то недоброе Люшков попросил его позвонить из Москвы в Хабаровск и сообщить о причинах вызова. Обещанного Каганом звонка Люшков не дождался: Каган уже был арестован...

Не в самом лучшем расположении духа Люшков отбыл из Хабаровска в служебную командировку в Приморскую область. Бывший сотрудник УНКВД по ДВК Н.С. Кардовский вспомнил, что о предстоящем смещении с должности Люшков узнал, находясь в этой командировке: «... оставшийся в Хабаровске за Люшкова начальником Управления его заместитель Г.М. Осинин... уведомил находящегося в Приморье Люшкова: в Хабаровск вскоре прибудет Горбач»⁵³. По-видимому, перспектива прибытия и сдачи дел по УНКВД края имени Горбачу (наряду с арестом Леплевского и «исчезновением» Кагана) стала переломным моментом в решении Люшкова совершить побег за кордон.

Майор госбезопасности Григорий Федорович Горбач (1898—1939), член партии с 1916 г., до 1937 г. работал в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД Северного Кавказа и плотно вошел в «обойму» чекистов «северо-кавказской группы» Евдокимова-Фриновского⁵⁴. Летом 1937 г. он стал начальником УНКВД по Западнo-Сибирской (затем — Новосибирской) области. По мнению такого компетентного руководителя, как заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов, «Горбач пользовался большим авторитетом у Ежова и являлся близким человеком Фриновского»⁵⁵. Встречавшемуся с ним в Новосибирске М.П. Шрейдеру Горбач сам заявлял, что назначен сюда Фриновским «очистить область от врагов народа и особенно от врагов, пробравшихся в НКВД»⁵⁶.

Люшков знал, что покровительствующий ему Ежов все больше «увязает» в делах параллельно руководимого им (с апреля 1938 г.) Наркомата водного транспорта, перепоручая решение большинства вопросов в НКВД своему переместителю Фриновскому. Что могло помешать Фриновскому по лому Ежова дать Горбачу задание «очистить от врагов» аппарат УНКВД по ДВК? 11 июня Горбач был освобожден от должности начальника УНКВД в Новосибирске приказом по личному составу НКВД СССР. Возможно, что в это время он уже находился на пути в Хабаровск...

12 июня 1938 г. Люшков в сопровождении заместителя начальника Разведотдела краевого УНКВД К.Н. Стрелкова вышел в полосе 59-го Посьетского погранотряда к государственной границе для встречи с «агентом». Залегший на расстоянии 300 м от «места встречи» Стрелков уже больше никогда не видел своего начальника⁵⁷.

Позднее Рихард Зорге так прокомментировал «дело генерала Люшкова»: «Я придерживаюсь мнения, что Люшков перебежал не потому, что был недо-

